ИЗЪ ЖИЗНИ К—СКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

(РАЗСКАЗЪ БАБУШКИ СВОЕМУ ВНУЧКУ).

— Посмотришь да подумаешь, какъ міръ-то Господень измѣнился!.. Вѣдь вотъ много-ли мнѣ лѣтъ?!—всего какихъ нибудь десятковъ 7, а куда ни глянешь все не то что было прежде.....

Такъ начала свой разказъ бабушка Варвара Андревна, когда, подмѣтивъ особенно веселое расположеніе духа, я попросилъ ее разсказать мнѣ что нибудь изъ «старины».

— Чтоже, бабушка, развѣ ужъ въ самомъ дѣлѣ многое перемѣнилось?—спросилъ я, желая этимъ вопросомъ скорѣе вызвать ее на разсказъ.

Бабушка вздохнула.

— А вотъ какъ доживешь до моихъ хоть лѣтъ, Господь дастъ, тогда увидишь, внучекъ, какъ оно все перемѣняется!... Теперь я свою родину и неузнаю...Тамъ гдѣ былъ лѣсъ не проходимый, не оглядный, теперь стала степь; по рѣкѣ М.......ѣ раскинулись селенья и блестятъ далеко далеко на солнцѣ золотыя маковки Господнихъ церквей... Словно какая-то богатырская сила прошла по нашимъ дремучимъ лѣсамъ:—попадали они и скрылись Господь ихъ знаетъ куда... Стоитъ теперь на этихъ мѣстахъ об-

литая золотомъ кормилица—пшеничка... Очистили теперь все и неоткуда выскочить страшнымъ калмыкамъ....

Бывало того и гляди налетятъ па деревню,и что только захватятъ, поминай какъ звали... Мертвецомъ только и выгоняли ихъ. Не въ жисть бывало не поѣдутъ въ село, если учуютъ,что въ немъ есть покойникъ...ну,этимъ только и спасались!.. Нарядятъ кого нибудь покойникомъ и плачутъ надъ нимъ.... Извѣстно народъ тогда не хитрый былъ, не то—что теперь... А вотъ посмотрю я на нонѣшній народъ: диво, да и только!.. Такъ маленькой какой нибудь мальчикъ: ужъ онъ все и знаетъ, и заговоритъ тебя глупую, и молитвы тебѣ читаетъ, и на крылосѣ въ церкви поетъ словно райская птичка...любо!!. Ну, а прежде что,-чего знали?! Бывало пройди изъ конца въ конецъ наше село: изъ большихъ—то молитвы рѣдко кто зналъ прочитать истово... Одно только не ладно въ теперешнемъ народѣ: ужь очень онъ онѣмечился... Вино это пьютъ чрезъ всякую мѣру, да не большіе только, а и махонькіе, трубки завели... Охъ, внучекъ, не кури родименькій.... грѣхъ!.. Видишь Богу-то ладаномъ курятъ а прости Господи, бѣсъ-то и себѣ тоже курево выдумалъ

Бабушка набожно перекрестилась.

— Ну тоже нонѣшній народъ и не такъ простой сталъ какъ былъ прежде... Оно извѣстно: тогда и не такія науки были какъ теперь... У насъ и попъ-отъ,-мой отецъ былъ попомъ,-кое-какъ зналъ грамоту и начетчикъ былъ

не большой, а теперь другое.

— Ну, а чай, бабушка, онъ тоже хоть и не ученый былъ, а говорилъ вамъ что нибудь въ церкви, училъ какъ жить?..

— Знамо училъ; жизни онъ былъ хорошей и народъ — отъ его слушалъ, бѣда вотъ только ему была съ раскольниками.

— Съ раскольниками?

— Э!!. да у насъ въ К—нахъ такіе были раскольники, что Господи спаси и помилуй отъ такихъ раскольниковъ!

— Ты-бы, бабушка, вотъ о нихъ и разсказала-бъ мнѣ что нибудь.

Бабушка немного помолчала; по лицу едва замѣтно пробѣжала какая-то мысль; поднялись къ верху глаза и она набожно перекрестилась.

— Охъ раскольники, раскольники!.. Гдѣ-то вы теперь? Въ какое мѣстечько привела васъ дорожка, по которой вы пошли съ вашимъ учителемъ Мизякой?—начала она въ глубокомъ раздумьи... Вѣдь сколько вамъ говорили: слушайтесь матушку Церковь, не ходите сами безъ надежнаго Пастыря, заблудитесь.... Нѣтъ, пошли, не послушались... ну и Богъ съ вами... не воротить васъ те-

перь!.. Бѣда отцу моему была съ этимъ народомъ... Вотъ въ Н... ....ѣ были всѣ настоящіе православные, слушались его. Н........ была тогда небольшая деревушка, церкви въ ней не было и приходомъ она была къ К—мъ. Бывало до смерти онъ боялся, чтобъ К—скіе—то не совратили ихъ съ путя Христова, потому, были они въ трехъ верстахъ; каждый разъ ѣздили къ нимъ, роднились и дружились.. Вѣдь, оно извѣстно, страшно: одна шелудивая овца и все стадо перепортитъ. Заберется въ село такая прости Господи «язва» и поминай какъ звали... Вонъ въ С.......ъ было всего полтора молоканина, а теперь полтора села ухнуло въ молоканы; явились какіе-то прыгунки; иконамъ глаза повывертели. И ничего нельзя съ ними подѣлать!.. Сами они не понимали, что говорили... Сидятъ, бывало, надъ книгою и долбятъ въ нее пальцами.. Чудной былъ народъ, Господь съ ними совсѣмъ!... А вѣдь вотъ-же благодать вѣрно Божія спасла наше-то Н.......о. Въ немъ небыло тогда раскольниковъ вовсе.... теперь Богъ его знаетъ... давн уже не была на своей родинѣ... Отецъ мой такъ и к калъ ихъ какъ циплятъ. Что ужъ бывало К—скіе п дѣлали съ нашими-то!.. Раскроютъ имъ Библію: толкуютъ, толкуютъ, мутятъ ихъ мутятъ... все больше о царствѣ небесномъ толковали.

Нѣтъ, не понимаютъ!—Намъ, говоритъ, батюшка А.....не велѣлъ васъ слушать, потому онъ вонъ и въ

ризахъ, и въ церкви служитъ, а вы такіе же мужики— сермяги, какъ и мы... А батюшка, бывало, ихъ адомъ больше пугалъ... Если, говоритъ. вы будете слушаться К—скихъ и въ Церковь Божію ходить не станете, пропадете, замучаетесь въ аду.. Такъ и скажу Господу: не слушались они меня, Господи; не отвѣтчикъ я за нихъ, наказывай ихъ какъ вѣдаешь по своему Правосудію..... Нѣтъ, говоритъ, какъ въ адъ-отъ попадешь, такъ не спасутъ тебя раскольники и учитель ихъ Мизяка, а Церковь и мои грѣшныя молитвы къ Богородицѣ отъ ада васъ избавятъ.... Ну, и слушались...Больше-же всего онъ тѣмъ бралъ съ-ними, что жилъ по настоящему, какъ есть по поповски.. Не курилъ онъ, не нюхалъ, не жадничалъ, не пилъ вино... Какъ есть-по христіански жилъ! Вотъ раскольникамъ-то и нечѣмъ его было попрекнуть, а это главное! Плохой ужъ тотъ попъ, что живетъ не такъ какъ самъ учитъ! Это значитъ на словахъ, какъ на бобахъ, а надѣлѣ-то.... Раскольникамъ и любо съ такимъ; они его и допекаютъ: ты, дескать, такъ и такъ, батюшка, самъ то прежде перестань вино пить, да другое что дѣлать, тогда и учи!.. Вынь, дескать, прежде бревно изъ глаза, тогда и сучечекъ... А-то бревна не слышишь въ своемъ глазѣ, а тянешся вынуть щепочьку у своего сосѣда...Вонъ оно дѣло какое! Наши-то К—скіе жили ничего, только ужъ заблудились очи больно далеко.. Евангеліе и Библію таки перетолковали, что слова Божія тамъ

не узнаешь... Да и много же бѣдъ они потерпѣли отъ того, что такъ криво толковали слова Господни. Ужъ имъ говорили, говорили, наставляли, наставляли ... благочинный одинъ ученый, городской, пріѣзжалъ,—ничего не вышло толку.... Ужъ очень они увѣровали въ своего Мизяку. Толковалъ онъ имъ Евангеліе... Сказано въ немъ, что: аще кто хочетъ спасти свою душу, пускай погубитъ ее онъ прежде. Уперлись на этомъ мѣстѣ они, не разумѣючи его, да, говорятъ, и теперь еще ихъ не содвинули... Сколько погубили они душъ чрезъ это слово.. Много народу порѣзалось, много подушилось и сожглось, много и дѣтей перебито за него..

— Какъ это дѣтей? За что ихъ-то, бабушка?—

— А такъ возметъ за ноги ребенка лѣтъ тамъ трехъ али двухъ, взмахнетъ надъ собой, да и хлопъ головой о камень.—Умирай, говоритъ, душа ангельская за своего Христа.. Блаженъ, говоритъ, иже «имѣетъ» и разбіетъ младенцы своя о камень... Вотъ и колотили! Они, глупые,—Богъ съ ними, не разобрали къ чему это сказано въ Священномъ Писаніи-то. Толковалъ имъ батюшка, толковалъ и благочинный.... да поди!! Раскольникъ такъ онъ раскольникъ и есть! Упрется въ чего нибудь и долбитъ, какъ слѣпая курица.... Это, говорили имъ тогда, сказано къ тому, что, говоритъ, блаженны тѣ, которые возьмутъ да и побьютъ Вавилонскихъ младенцовъ за

то, что ужъ больно шибко притѣсняли отцы ихъ народъ Господній... Не знаю они какъ тамъ еще говорили, потому давно это было, забыла... А К—скіе-то знай свое: вотъ оно и выходитъ, говоритъ, дѣло про насъ идетъ.. Мы, говоритъ, Вавиловъ—грѣховъ скверныхъ имѣемъ... Дѣти наши «зачадіе» грѣха, а грѣхъ избѣй ради Царствія... Ну, что-жъ имъ больше говорить, такъ и бросили... Толковали имъ и то, какъ нужно погубить свою душу, чтобъ была она въ царствѣ. Это, говорили имъ, понимать надобно такъ: Всякъ, кому дорого спасенье, чтобъ наготовѣ былъ и душу свою положить за Христа и Его Св. Евангеліе, чтобъ, значитъ, и съ жизнью растаться было не жалко ради Спаса—Христа, когда бы какіе нибудь тамъ супостаты-басурманы вздумали принуждать кого отречься отъ Него. Нѣтъ, говоритъ, бачка, это не такъ, а по другому. Ты, говоритъ, криво толкуешъ. Душу нужно губить порѣзомъ, удушьемъ или еще какой мученическою смертію,а то, говоритъ, ты хоть въ лѣсъ уйди, въ пещеру отъ міра-то, все-таки она жива останететя... А тутъ сказано прямо: губи ее, тогда и царство тебѣ........ Вотъ они какіе были!.. Ну, разсуждали—разсуждали да и доразсуждались до того, что начали губить свои души безвинно—напрасно... Разсказывала моя мать, какъ одинъ К—скій мужичокъ убилъ своихъ родныхъ дѣтей: дѣвочку и мальчика. Давно это было... Сперва, говоритъ, убилъ маленькаго

мальчика. Увидала дѣвочка, говиритъ, смышленая ужъ была, какъ ее братцу раскроили головку, бросилась было бѣжать. Поймали ее. Просила она его, цѣловала его ноги и руки, называла и родименькимъ и тятечкой, молила его, что никогда не будетъ такъ дѣлать. Она, бѣдненькая, думала, что она что нибудь съозорничила.. Господи мой Владыка!! Такъ, говоритъ, она его молила, такъ плакала, что камень-бы не вытерпѣлъ... лопнулъ, но-отецъ вытерпѣлъ... Взмахнулъ ее надъ собой и росшибъ ей голову объ уголъ.... Услыхала объ этомъ мать, ударило ее объ земь. Долго лежала она какъ-бы мертвая на одномъ мѣстѣ, но пришлось ей еще помаяться на вольномъ свѣтѣ...Съ годъ бѣгала она по селу, какъ сумашедшая:рвала на себѣ волосы,кусала руки, и просила каждаго, кто только встрѣтится, отдать ей ея малютокъ...Съ тѣмъ, говоритъ, и померла... бѣдная!... Такъ вотъ до чего дошелъ человѣкъ! А еще одинъ мужичекъ, разсказывали,то же К—скій, такъ тотъ съ камнемъ на шеѣ утонулъ... Прочиталъ это онъ тамъ въ Евангеліи, что тому, кто соблазнитъ кого, лучше навязать камень на шею и бросить его въ пучину морскую.... Вотъ онъ и сдѣлалъ!.. Ну, это все ничего, а вонъ дѣточекъ-то жалко!.. Онъ-то Богъ съ нимъ.. А еще разсказывала мнѣ мать: привезли какъ-то къ намъ въ домъ, говоритъ, одну замерзшую дѣвушку. Лежитъ она молодая—хорошая, одѣтая вся въ бѣломъ и ленточкой тоненькой подпоясана. Волосы рас

пущены по плечамъ и завязаны назади. Изъ подъ длинной черной рѣсницы пробилась слеза, но не скатилась она съ блѣдной замерзшей щеки, а такъ тутъ и остановилась, застынувъ крупной каплей.. Много, говоритъ, я жила на свѣтѣ, видала много всякихъ людей, но такого лица я никогда не видывала.. Хорошо это было лицо! Какъ теперь, говоритъ, помню: было дѣло утромъ и солнце только—что всходило... Веселое и ласковое заглянуло оно къ намъ въ избушку и остановилось на лицѣ покойницы.. Словно мать склонилось оно на милую свою дочь и своимъ теплымъ дыханьемъ словно хотѣло отогрѣть ее лицо.. А оно лежитъ бѣлое и грустное, грустное такое, что душа разрывалась у насъ, глядя на нее... Извѣстно: только-бъ и жить ей!.. Много набралось къ намъ въ избушку народу посмотрѣть покойницу, пришолъ одинъ и старый—престарый старикъ, волосъ какъ снѣгъ... Взглянулъ это онъ на нее, задрожала его голова, передернулось лицо, но слезинки не было на его глазахъ.. Сталъ онъ на колѣни и тихо прошепталъ дрожащими губами какую - то молитву. Онъ узналъ свою родную, говоритъ, дочь.

— Жалко тебя старикъ, сказалъ ему батюшка, дочери ты--помоги лишился въ старости.

Старикъ повернулся и засмѣялся, какъ-то нехорошо засмѣялся.—«А еще ты попъ, говоритъ, называешься, а жалѣешь меня... Себя жалѣй, а не меня, потому ты

заслужишь царство-то аль нѣтъ, а Божія раба ужъ въ Царствѣ... Она погубила свою душу и Господь спасетъ ее, потому такъ сказано... Я самъ уговаривалъ ее на это, потому молода она и грѣховъ на ней нѣтъ, а поживешь такъ грѣховъ не оберешься, да еще чего добраго – совратятъ съ пути нашего истова. Долго уговаривалъ я ее. но молода она,—жить ей хотѣлось: не соглашалась она умереть ни порѣзомъ ни удушьемъ и нидругой какой мученнической смертью. Вотъ и уговорилъ ее замерзнуть, потому—смерть легкая.. Одѣлъ я ее во все бѣлое, чиста она яко голубь, поплакалъ съ ней, по-прощался; поплакала и она... не хотѣлось оставить міръ, отвелъ ее въ поле... Слава Богу, былъ морозъ на дворѣ сильнѣйшій,—не долго, значитъ, мучиться станетъ... Выкопалъ ей могилку въ снѣгу, положилъ ее тамъ, поплакалъ надъ ней и заснула она тамъ на вѣки....

Зарыдали мы всѣ; не вытерпѣлъ и старикъ: скатилась по его бѣлой бородѣ крупная слеза и упала на лицо родимой дочери.—Святая ты моя! возьми къ себѣ... скоро приду туда-же!..

— Ты тоже эту смерть примешь, спросили его. Устрою дѣла, такъ можетъ приму и пострашнѣй смерть... Уговаривалъ его отецъ, велѣлъ ему покаяться и обратиться на истинный путь Христовъ, оставить всѣ свои кривые толки... да поди съ нимъ!... Упорные люди!...

Не придумаю: отчего это въ нихъ упорство такое? Теперь ты хоть сто поповъ приведи къ нимъ, чудеса имъ твори, —не повѣрятъ, а вотъ скажетъкакое нибуть словечко свой братъ—сѣрый кафтанъ, который «лаптемъ щи хлѣбалъ», того слушаютъ... диковина!... Отъ того-ли, что люди-то умные, чиновные ни коли мужичку правду не говорили, какъ она есть, а все толковали на изнанку и цѣлый вѣкъ водили его за носъ... Вѣдь извѣстно: одинъ не порадѣетъ ему, другой непорадѣетъ, — онъ и одичаетъ, а тогда ужъ кто ему и истину праведную высказываетъ, онъ не вѣритъ..... «Знаемъ, дескать, васъ!.. опять врюхаете куда нибудь по уши.... Нѣтъ вотъ. намъ если Мизяка скажетъ, такъ—такъ оно и будетъ, потому—свой человѣкъ родной, не обманетъ!..» Иль же опять они отъ того это, что ужъ «нечистый» ихъ больно осѣтовалъ, напустилъ имъ сору всякаго въ глаза, такъ что они не могутъ кривды отъ правды отличитъ.... Богъ ихъ знаетъ!.. Извѣстно, судить ихъ не намъ сътобой,внучекъ, а ихъ одинъ Богъ разсудитъ... Наше дѣло темное:—и такъ повороти, плохо видимъ, и энтакъ, на другой бокъ, не такъ-то ладно смѣкаемъ...

Дмитрій Волковъ.